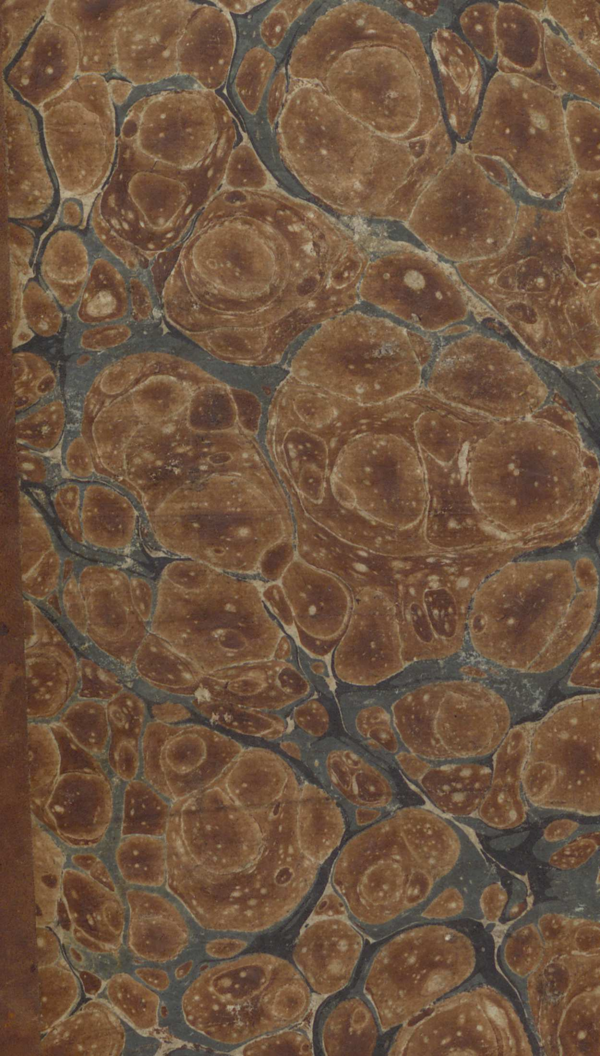
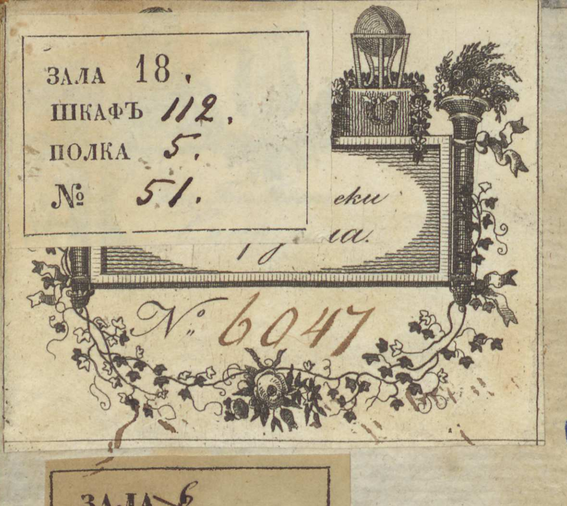

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 112.
ПОЛКА 5.
№ 51.
№ 6047

ОПЫТЪ

о

Краснорѣчіи проповѣдниковъ.

Сочиненіе Г. Аглинскаго Доктора Блера.

Переведенъ на Россійскій языкъ находящимся при Коппенгагенской Миссіи Греко-россійскимъ священникомъ Иваномъ Павинскимъ.

въ Санктпетербургѣ.

въ Типографіи Святѣйшаго Синода 1800 года.

ОПЫТЪ

О

Краснорѣчіи Проповѣдниковъ.

Введеніе.

Мое намѣреніе не есть здѣлать полное разсужденіе о витійствѣ проповѣдниковъ. Я ограничиваю себя нѣкоторыми разсужденіями сему роду слова наиболѣе существенными, и чтобъ представить мысли мои въ порядкѣ, я предложу: 1) Свойство и предметъ проповѣдыванія. 2) Поставлю нѣкоторыя правила о сочиненіи и слогѣ проповѣдей. 3) Сравню

проповѣдниковъ Французскихъ съ Аглинскими. 4) Представлю различныя части составляющія проповѣдь. 5) Предложу нѣкоторые совѣты о произношеніи и наружномъ видѣ оратора, и 6) Окончу сей опытъ изображеніемъ свойствъ церковнаго оратора, и средствъ для достиженія сего имяни. Я почту себя счастливымъ, естли размышленія мои будутъ сколько-нибудь полезны особамъ посвятившимъ себя сему священному званію.

I

Свойство и предмѣтъ проповѣдыванія.

Есть люди, которые думаютъ, что слово церковное недолженствуетъ быть подчиняемо общимъ правиламъ витійства. Витійство, говорятъ они, основано на наукѣ и изобрѣтеніяхъ человѣческихъ; но въ изложеніи истинъ благочестія и нравственности чемъ больше будетъ простоты, тѣмъ

успѣшнѣе

успѣшнѣе можно начертать ихъ на сердцѣ и разумѣ. Сїе возраженїе имѣло бы нѣкоторую силу, ежели бы краснорѣчїе было наука только блестящая и обманчивая, искусное сплетенїе словъ и доказательствъ болѣе ослѣпляющихъ, нежели твердыхъ, болѣе ласкающихъ уху, нежели плѣняющихъ сердце. Но таковое мнѣнїе столько же ложно, сколько и опасно. Истинное краснорѣчїе научаетъ представлять истину въ яснѣйшемъ и самомъ лучшемъ ея видѣ. Оно есть наука увѣрить, убѣдить; и не въ семъ ли состоитъ существенная должность проповѣдника? Не сїе ли доставляетъ ему весь успѣхъ его? Ежели бы нужно было доказывать сїю истину подробнѣе, я представилъ бы въ доводъ писанїя Пророковъ и Апостоловъ, коихъ высокое и убѣдительное витїйство столь разительно для вообраденїя, сколь внятно для сердца.

Церковное слово не можетъ быть убѣдително, ежели Ораторъ не

имѣетъ

имѣетъ справедливаго понятія о цѣли своего проповѣдыванія. Ето есть общее правило во всѣхъ наукахъ, чтобъ отличиться въ каждой изъ нихъ, надобно довольно обдумать предмѣтъ ея и конецъ. Но какой конецъ есть всякаго проповѣдника? -- Убѣдить людей быть лучшими. Проповѣдь не можетъ быть полезною какъ только тогда, когда она будетъ увѣрительна. Я не разумѣю подъ симъ, чтобъ проповѣдникъ не долженъ былъ пещись о наученіи, наставленіи, умствованіи и убѣжденіи. Увѣреніе основано на убѣжденіи. Надобно прежде овладѣть умомъ, чтобъ ввесть въ свои виды сердце; и проповѣдникъ, которой ласкается управлять по волѣ своей страстьми и поведеніемъ своихъ слушателей, не положивъ справедливыхъ началъ и не просвѣтивъ ихъ разума, будетъ пустой и надутой только декляматоръ. Онъ произведетъ въ душѣ минутное только движеніе, но никогда не здѣлаетъ глубокаго впечат-

впечатлѣнія. Проповѣдникъ никогда не долженъ забывать, что единственный предмѣтъ всѣхъ его наставленій есть заставить любить добродѣтель и склонить оной слѣдовать. Онъ не долженъ входить на Каѳедру только для того, чтобъ развязать запутанной какой нибудь вопросъ, чтобъ открыть Метафизическую какую-нибудь истину, или привлечь вниманіе слушателей на предмѣтъ только любопытной. Онъ долженъ стараться дать имъ понятіе раздѣльнѣйшее о благочестіи, переспорить ихъ желанія, привесть страсти въ ихъ предѣлы, и утвердить тѣ союзы, коими они связуются съ отечествомъ, съ обществомъ, съ родомъ человѣческимъ. И такъ краснорѣчіе проповѣдника должно быть простое, не потому чтобъ въ немъ должно было соображаться съ прихотями, съ предрасудками и съ обыкновеннымъ языкомъ простаго народа, что отняло бы у

оратора

оратора всю довѣренность просвѣщеннѣйшей части его слущателей; онъ долженъ только стараться такъ расположить рѣчь свою, чтобъ она производила всеобщее впечатлѣнїе, поражала всѣ умы, и покаряла всѣ сердца. Не обинуясь я могу утвердить, что проповѣдникъ отвлеченный со всею высокопарностїю своихъ доводовъ и тонкостїю понятїй, хотя сей родъ слова имѣетъ своихъ почитателей, весма ложное о витїйствѣ церковнаго слова имѣетъ понятїе и совершенно уклоняется отъ истиннаго своего предустановленїя. —

Что проповѣдникъ долженъ говорить разуму, сїе не оспоримо. Онъ долженъ дать своимъ слушателямъ понятїе о предмѣтѣ своего слова. Онъ долженъ болѣе представить имъ мыслей, нежели словъ, но между тѣмъ и сїе такъ же не оспоримо, что съ лишкомъ тонкое раздробленїе никогда не будетъ имѣть въ церковномъ словѣ успѣха, ежели

ораторъ не соединитъ дарованія увѣрять и трогать съ силою своихъ доводовъ. —

Ежели справедливо, что проповѣдь есть рѣчь трогательная, то самое естественное послѣдствіе отсюда происходящее есть то, что проповѣдникъ долженъ быть человѣкъ доброй. Не можно быть краснорѣчивымъ, не имѣя нѣжнаго чувствованія, и постояннаго вкуса къ добру. Здѣсь нужны Verae voces ab imo pectore, сей искренній языкъ безъ всякихъ прикрасъ, сей внутренній и трогающій гласъ, идущій къ сердцу, воспламеняющій оное и движущій.--

Чтобъ быть высокимъ, проповѣдникъ долженъ чувствовать въ себѣ нѣкоторой родъ энтузіазма. Въ семъ состоитъ истинное дарованіе тронуть. Сіе то дастъ человѣку добродѣтельному сію побѣдоносную силу, которой развратной имѣть никогда не можетъ. И какъ можетъ онъ имѣть ее, когда онъ принужденъ притворяться, и

блистать

блистать огнемъ, коего въ сердцѣ своемъ не чувствуетъ?

Почему кто желаетъ быть отличнымъ проповѣдникомъ, тотъ всегда долженъ начинать прежде съ того, чтобъ внутренно убѣдить самаго себя въ истинѣ тѣхъ началъ и истинъ, которыя хочетъ онъ внушить другимъ. Не останавливайтеся на одномъ только ихъ умозрѣніи, заставте сердце любить ихъ на самомъ дѣлѣ, здѣлайте, чтобъ оно находило свое щастіе въ добродѣтели, и славу свою въ разширеніи ея царства. Сіи благородныя разположенія необходимо дадутъ рѣчи живость и силу. Они прольютъ въ весь составъ ея сей животворный огнь чувствій и душевнаго умиленія, которой дѣйствуетъ силнѣе, нежели всѣ уловки искуства, сколько бы оно ни было тонко и обдумано. Благочестіе просвѣщенное и безъ суевѣрія предохранитъ васъ отъ всѣхъ опасностей васъ окружающихъ. Оно дастъ рѣчи

твердость

твердость, силу и трогательность рѣшительную для успѣха, и въ тоже время заставитъ молчатъ тѣхъ гордыхъ раскащиковъ, коихъ цѣль состоитъ только въ томъ, чтобъ выставить свое надутое краснорѣчїе, или чтобъ занять только Каѳедру на извѣстное время. Естли даже и по сїе еще время мало было Проповѣдниковъ, которые бы заслуживали блистательную и вмѣстѣ постоянную похвалу; то причиною сему не что другое было, какъ трудность войти на ту высоту благочестїя и добродѣтели, ниже которой священное краснорѣчїе всегда бываетъ несовершенно, и соединить сїе драгоцѣнное расположенїе съ отличными дарованїями и съ свѣдѣнїями какъ свѣта, такъ и сердца человѣческаго. ---

Особенныя свойства священнаго краснорѣчїя, отличающїя оное существенно отъ прочихъ, суть два: важность и чувствованїе пламенное. Свойство манерїй духовныхъ тре-

требуетъ, чтобъ они были пропо-вѣдуемы съ важностїю; ихъ необходимость требуетъ, чтобъ они представляемы были съ жаромъ. Опустить одно изъ нихъ, значитъ опустить все. Ибо ежели слогъ будетъ безпрерывно важенъ, онъ подвергается единообразїю и дѣлается скучнымъ; ежели онъ всегда пламенной и безъ важности; онъ будетъ театральной и неосновательной. Проповѣдники должны употреблять всѣ усилїя, чтобъ какъ въ ихъ сочиненїяхъ, такъ и въ дѣйствїи соединена была важность съ жаромъ. Когда сїи два свойства равно соблюдены, они произведутъ то, что называется въ словѣ трогающимъ или умиляющимъ. Они произведутъ сей родъ слова отъ сердца къ сердцу плѣняющїй, убѣждающїй, и раждающїйся обыкновенно отъ сильнаго чувствованїя, и твердаго увѣренїя, что истины и должности благочестїя суть источникъ нашего благополучїя; и отъ усерднаго

желанія; чтобъ они произвели во всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

2

Сочиненіе и слогъ проповѣди.

Имѣя справедливое понятіе о свойствѣ и предмѣтѣ священнаго краснорѣчія, проповѣдникъ все тщаніе свое долженъ обратить на выборъ предмѣтовъ благочестіемъ ему представляемыхъ. Я не буду на сіе предписывать никакого правила, довольно для меня будетъ остановиться на семъ главнѣйшемъ, то есть, что священный ораторъ долженъ говорить о вещахъ полезнѣйшихъ и наиболѣе сообразныхъ обстоятельствамъ своихъ слушателей: никогда не заслужитъ имяни краснорѣчиваго тотъ, которой говоритъ въ собраніи или о предмѣтахъ съ лишкомъ высокихъ, или слогомъ превышающимъ общее понятіе. Общій добрый смыслъ и первыя начала вкуса заставляютъ

презирать всѣ тѣ смѣшныя плески, коими невѣжествующая чернь осыпаетъ то, чего она не понимаетъ. Польза есть отличительный характиръ истиннаго краснорѣчія. Никто не выдержитъ навсегда имяни хорошаго проповѣдника, не заслужа имяни проповѣдника полезнаго.

И такъ я совѣтую проповѣднику вопервыхъ наблюдать *единство*, которое нужно во всѣхъ родахъ сочиненій. Въ рѣчи, гдѣ выборъ и порядокъ не зависитъ отъ воли оратора, трудно бываетъ слѣдовать сему правилу. Но проповѣдникъ всегда можетъ оное сохранить, и ежели онъ нарушаетъ его, дѣлается совершенно не извинителенъ. --- Чрезъ единство я разумѣю ту неподвижную точку, гдѣ сходятся всѣ понятія составляющія проповѣдь; я разумѣю то, что ее дѣлаетъ предмѣтомъ всегда единственнымъ, и всегда владычествующимъ, а не собраніемъ мыслей и предмѣтовъ различныхъ

и между

и между собою связанныхъ чрезъ переходы. Правило единства основано на томъ, что разумъ не можетъ заняться вдругъ какъ только однимъ предмѣтомъ. Чемъ болѣе онъ развлекается, тѣмъ болѣе слабѣетъ впечатлѣнiе, и проповѣдь безъ единства не можетъ имѣть ни красоты ни великой силы. Не надобно между тѣмъ думать, чтобъ для сближенiя сего правила во всей его строгости, должно было убѣгать въ рѣчи всякаго раздробленiя всѣхъ главныхъ раздѣленiй, и чтобъ одна только мысль оборачиваемая различными образами, и представляемая слушателямъ подъ различными видами составляла всю проповѣдь. Единство предмѣта не изключаетъ разности понятiй. Оно требуетъ только, чтобъ ихъ союзъ былъ столько сохраненъ, чтобъ всѣ подробности согласились, такъ сказать, здѣлать въ сердцѣ впечатлѣнiе только одно, но впечатлѣнiе глубокое. Я могу на

примѣръ

примѣръ привести многія доказательства, чтобъ утвердить необходимость любить Бога; могу такъ же изслѣдовать и причины дѣлающія добродѣтель сію столько рѣдкою, не представивъ уму двухъ предмѣтовъ. Но естли бы мой предмѣтъ былъ доказать, что любящій Бога долженъ любить и своего ближняго, и ежели бы я открылъ въ одной и тойже рѣчи побужденія любить Бога и любить ближняго, я бы нарушилъ законъ единства, и оставилъ бы въ душѣ слушателей понятіе смѣшанное и неопредѣленное.

Второе. Чемъ предмѣтъ проповѣди частнѣе, тѣмъ разительнѣе, а слѣдовательно и полезнѣе. Сіе правило есть слѣдствіе вышесказаннаго. Хотя можно говорить и объ общемъ предмѣтѣ не нарушая единства, но его разкрытіе никогда не представляетъ пользы, и впечатлѣніе всегда бываетъ слабое и легкое. Молодые проповѣдники обыкновенно избираютъ предмѣты

общіе

общіе; какъ то пользы благочестія, пріятности добродѣтели и проч. Поелику сіи предмѣты вышны и удобнѣе могутъ быть обработаны; и безъ сомнѣнія не надобно не радѣть и о тѣхъ разсужденіяхъ, кои благочестіе представляютъ въ главныхъ его видахъ. Ибо есть случай, гдѣ сіи картины дѣлаются столько же полезными, сколько и важными. Но сіи предмѣты неспособны къ произведенію тѣхъ великихъ дѣйствій, кои первостатейной проповѣдникъ въ рѣчахъ своихъ предполагаетъ и ищетъ разсуждать объ нихъ, обыкновенно блуждаютъ по лабиринѳу мѣстъ общихъ и вдыхаютъ въ своихъ слушателей только скуку и отвращеніе. Вмѣсто того церковный ораторъ необходимо привлечетъ вниманіе, естли будетъ разсуждать о великомъ предмѣтѣ подъ частнымъ видомъ, избравъ одну черту сильную и разительную, и направивъ къ ней всю силу умствованія своего и убѣжденія.

Хвалить

Хвалить какую нибудь добродѣтель, или возставать противъ какого нибудь порока, значитъ избрать предмѣтъ, которой имѣетъ единство и точность; но разсуждать о семъ порокѣ, или добродѣтели подъ видомъ частнымъ, показывать съ силою, какимъ образомъ они перемѣняютъ нѣкоторые характиры; какимъ образомъ они вводятъ насъ въ извѣстныя положенія жизни, есть вѣрной способъ быть привлекательнымъ и вмѣстѣ полезнымъ. Я признаюсь, что исполнить сіе труднѣе; но въ замѣну похвалнѣе и для успѣха вѣрнѣе.

Третіе. Не надобно думать чтобъ проповѣдникъ былъ обязанъ сказать все, что предмѣтъ въ себѣ ни заключаетъ. Надобно избирать только то, что онъ имѣетъ полезнѣйшаго, разительнѣйшаго и убѣдительнѣйшаго, и на семъ остановиться. Ежели бы истины занимающіе духовныхъ ораторовъ были совершенно новы,

они должны бы были представлять ихъ во всемъ ихъ пространствѣ, а безъ сего они подвергли бы себя опасности, что не доставятъ своимъ слушателямъ полнаго свѣдѣнія. Но ихъ цѣль должна быть столько же и убѣдить, сколько и научить, и ничто не можетъ быть меньше убѣдительно, какъ изобиліе безъ выбора. Есть вещи, кои они должны предполагать слушателямъ извѣстными, а другихъ коснуться только слегка. И такъ ежели они не будутъ ничего опускать, ежели обременятъ рѣчь свою безполезными подробностями, они уничтожатъ все ея дѣйствіе. Хотите ли избѣгнуть сего порока? Когда вы размышляете о своемъ предметѣ, поставьте сами себя на мѣсто строгаго и разборчиваго слушателя. Положите послѣ сего, что рѣчь обращена къ вамъ; изслѣдывайте потомъ, въ какомъ видѣ она поразитъ васъ сильнѣе; какія доказательства удобнѣе могутъ

увѣрить

увѣрить васъ, какія подробности глубже напечатлѣются въ вашемъ умѣ? Послѣ сего начинайте обработывать сіи мысли въ совершенной надеждѣ, что предъ всѣми другими они наилучше будутъ выражены и наиболѣе произведутъ дѣйствія. Длинныя отступленія и распространенія подрываютъ и самыя высокія мысли. Вмѣсто того, чтобъ на всякомъ главномъ предложеніи основывать цѣлую систему благочестія, лучше и естественнѣе извлечь изъ онаго главное понятіе, на немъ остановиться, разкрыть оное до самой глубины, не удаляясь, не отступая, и не страшась, что не будетъ сказано все. Весма много ошибаются тѣ, которые думаютъ, что въ проповѣди глубокомысленной не должно опускать ничего, что предмѣтъ представляетъ примѣчательнаго. Сей обширный кругъ, которой нѣкоторые проповѣдники употребляютъ въ своихъ объясненіяхъ, показываетъ, что они или не

умѣютъ отличить важнѣйшаго; или не знаютъ поставить его въ мѣстѣ выгоднѣйшемъ. ---

Четвертое. Старайтеся сдѣлать, чтобъ слушали ваши поученія съ пріятною обязанностію. Вотъ торжество краснорѣчія! Сіе есть истый знакъ дарованія! Ничто такъ не противно успѣху проповѣдника, какъ сухіе и холодные пріемы. Проповѣдь безъ движенія никогда не можетъ быть хороша. --- Правда, что трогательность проповѣди зависитъ частію отъ дара говорить, и ораторъ владѣющій трогающимъ и гармоническимъ голосомъ бываетъ обязанъ ему частію впечатлѣнія здѣланнаго надъ своими слушателями; но сочиненіе еще болѣе имѣетъ впеченія въ желаемый успѣхъ. Чистой и правильной слогъ, живыя картины, суть орудія вспомогательныя краснорѣчію. Великой секретъ состоитъ въ томъ, чтобъ отворить прямо входъ въ сердца слушающихъ

такимъ

таким образомъ, чтобъ всякой думалъ, что проповѣдникъ точно имѣетъ дѣло съ нимъ. Чтобъ въ семъ успѣть, надобно убѣгать всѣхъ умствованій отвлеченныхъ предложеній, общихъ и умозрительныхъ и всѣхъ нарядовъ учености. Говорите прямо вашему собранію. Будьте всегда просты, и удобопонятны всѣмъ, и оканчивайте вашу рѣчь увѣщаніемъ живымъ, страстнымъ, разительнымъ, истиннымъ изображеніемъ нравовъ, или пороковъ владычествующихъ.

Проповѣдникъ не долженъ забывать, что его слушатели различны между собою возрастомъ, состояніемъ и свойствами, и что онъ всѣхъ ихъ долженъ научить и убѣдить равно. Но ни что не увѣритъ его въ семъ успѣхѣ, какъ знаніе свѣта и сердца человѣческаго. Проповѣдникъ говорящій мнѣ языкомъ собственнаго моего сердца, изображая картину моего поведенія, и поставляя свойства мои въ такомъ видѣ, въ каковомъ я ихъ еще

ни когда

ни когда не видывалъ, силенъ преклонить меня въ свои виды, тронуть, и произвести во мнѣ удивительную премѣну. Но ежели онъ безпрестанно пресмыкается въ кругѣ общихъ наблюденій; ежели онъ ни когда не предпринимаетъ описывать господствующихъ пороковъ и особливыхъ нравовъ, то я ни мало не относя къ себѣ сего пустаго и не опредѣленнаго описанія при наилучшемъ моемъ расположеніи не получаю никакой пользы отъ всѣхъ его уроковъ. Онъ можетъ быть убѣдителенъ и трогающъ только тогда, когда рисуетъ разительную картину различныхъ нравственныхъ свойствъ примѣчаемыхъ въ обществѣ. Отъ чего и происходитъ, что примѣры основанные на исторіяхъ къ частной жизни относимые, каковыхъ священное писаніе доставляетъ намъ въ избыткѣ, всегда привлекаютъ вниманіе, ежели они хорошо выбраны и къ статѣ приспособлены. Не упущайте никакого случая,

гдѣ только можно ими воспользоваться; вы чрезъ то дадите вашей рѣчи такое преимущество, каковаго не доставятъ ни истины отвлеченныя, ни добродѣтели общія. Вы поставите благочестіе въ самомъ должномъ блескѣ; вы увеличите силу и ясность вашихъ предписаній, и заставите васъ слушать съ великою пользою. Можетъ быть проповѣдь самая лучшая и полезнѣйшая, но труднѣйшая, между тѣмъ, къ сочиненію есть та; которая глубоко разкрываетъ частной характиръ, но обыкновенной въ обществѣ; или которая изъясняетъ достопамятное мѣсто священной исторіи. Ибо въ такой рѣчи, ежели она хорошо обработана, не трудно всякому слушателю усмотрѣть скрытныя излучины собственнаго сердца. За прочіе роды рѣчей тысячу разъ принимались; но сей родъ представляетъ пространное и плодоносное поле и почти еще не обдѣланное. Онъ прибавляетъ къ

къ выгодамъ новости выгоду всеобщей пользы, и выгоду водить сердцемъ.

Пятое. Я совѣтую молодымъ проповѣдникамъ не повиноваться рабски модному слогу времени, онъ есть тотъ крутой ручей, которой сего дня надымается выше береговъ, а завтра совершенно изсякаетъ. Онъ иногда струится струей поэзіи, иногда катится тихимъ токомъ философіи. Проповѣдникъ перваго рода проливаетъ, такъ сказать, рѣку чувства; а другой едва орошаетъ душу тонкими и разрѣшенными каплями, и тотъ, которой наиболѣе взошелъ въ славу, торжествуетъ надъ своими соперниками. Каждой изъ сихъ модныхъ слоговъ бываетъ несносенъ, ежели онъ доходитъ до крайности, и тотъ, кто слѣпо слѣдуетъ сему обаянію, связываетъ свое дарованіе и повреждаетъ вкусъ. Истинная только красота неподвластная своенравію моды, достойна заслуживать славу; и сіе имя можно

приписать

приписать только тому слогу, которой основанъ на природѣ человѣка, связанъ съ пользою общества и сообразенъ съ тѣмъ понятіемъ, какое имѣютъ о проповѣди, то есть, какъ о рѣчи убѣдительной, произносимой предъ многочисленнымъ собраніемъ слушателей, на сей конецъ, дабы воспламенить любовь къ добродѣтели. И такъ пусть духовный витія ни когда не удаляется отъ общаго вкуса, и онъ достигнетъ похвалы однимъ шагомъ и гораздо скорѣе, нежели льстя и угождая вкусу частному, и непостоянному нраву своихъ слушателей. Истинное краснорѣчіе лежитъ на недвижимыхъ началахъ, но мода или своенравіе суть слабы и зыбки. И такъ предавайтесь одному только вашему дарованію. Берегитесь рабски подражать всякому образцу, хотя бы онъ неоспоримо заслуживалъ всеобщее удивленіе. Вы безъ сомнѣнія нашли бы въ немъ много для себя мыслей и пособій; вы могли бы

также взять оттуда куски, могущіе украсить вашу рѣчь; но при всемъ томъ, рабское подражаніе угашаетъ огонь, или лучше, есть признакъ, что подражающій такимъ образомъ совсѣмъ онаго не имѣетъ.

Слогъ проповѣдника долженъ быть ясной, сильной, одушевленной. Когда всѣхъ проповѣдей цѣль есть научить собраніе слушателей всякаго званія; то точность и простота должны быть его отличительными свойствами. Надутыя, или мало употребительныя выраженія должны быть отъ него удалены, такъ какъ и термины собственные наукамъ, художествамъ, или стихотворству. Молодые проповѣдники охотно позволяютъ себѣ ослѣпиться ложнымъ блескомъ, и ихъ ошибка извинительна; но она показываетъ, что ихъ вкусъ еще не образованъ. Правда, что краснорѣчіе духовное требуетъ выраженія благороднаго, и не принимаетъ ни словъ низкихъ и

грубыхъ ; ни фразъ общихъ и простонародныхъ ; но сїя возвышенность можетъ быть соглашена съ простотою. Слова могутъ быть точны, удобопонятны , и употребительны , и между тѣмъ слогъ не потеряетъ своего достоинства, ни живости, ни души. Сей живой и одушевленной слогъ наиболѣе приличенъ рѣчамъ церковнымъ. Родъ энтузїазма, какой проповѣдникъ чувствовать долженъ , величество и важность предмѣта имъ предлагаемаго , не оспоримо требуютъ выраженїй жаркихъ и порывистыхъ. Онъ не только можетъ употреблять Метафоры и сравненїя, но и дѣлать личное обращенїе къ добродѣтельному или грѣшнику. Онъ можетъ говорить съ предмѣтами одушевленными такъ какъ присутствующими ; онъ можетъ дѣлать приспособленїя страстныя, и смотря по обстоятельствамъ можетъ представлять картины какъ прїятныя, такъ и печальныя , словомъ :

онъ

онъ можетъ пользоваться всѣми пружинами витійства. Между тѣмъ правильный вкусъ предписываетъ ему употреблять фигуры сильныя, или слогъ страстной только тогда, когда предметъ его будетъ того требовать, и когда естественный энтузіазмъ, а не пустое велерѣчіе къ тому его подвигнетъ.

Мѣста Священнаго Писанія, искусно вставленныя, великое дѣлаютъ украшеніе проповѣди. Можно ими пользоваться или ссылаясь на оныя, или только намѣкая. Ссылки, служащія къ подкрѣпленію сказаннаго, придаютъ важность ученію и слогъ дѣлаютъ величественнѣйшимъ. Намѣтки на мѣста достопримѣчательныя, когда они введены будутъ удачно, производятъ нарочитое дѣйствіе. Они доставятъ жатву иносказательныхъ выраженій, придающихъ живость сочиненію, и служащихъ къ перемѣнѣ и одушевленію слога. Но и намѣтки сіи должны быть есте-

естественны и слегка приспособлены; ибо ежели будутъ натянуты, онѣ имѣютъ всѣ недостатки принужденія.

Проповѣдь не должна имѣть въ себѣ ни острыхъ оборотовъ, ни выраженій тонкихъ и отборныхъ. Сей родъ ни въ какомъ случаѣ нейдетъ достоинству церковной Каѳедры. Онъ представилъ бы проповѣдника въ самомъ смѣшномъ нарядѣ, чего съ великимъ тщаніемъ убѣгать должно. Слогъ сильной и выражающій, а не надутой и блистательной, дѣлаетъ очарованіе рѣчи и рѣшитъ ея успѣхъ. Вмѣсто же сего, прилагательныя одно на другое подмощенныя задавливаютъ пламень и красоту. Прилагательныя иногда имѣютъ столько же пріятности, сколько и силы; но ежели стѣлютъ ихъ рядами во всякомъ изреченіи, то вмѣсто того, чтобъ усилить слогъ, оной ослабляютъ, вмѣсто того, чтобъ прибавить свѣта изображенію, дѣлаютъ оной

холоднымъ

холоднымъ и слабымъ. На примѣръ, чтобъ представить непостоянство сего свѣта, скажетъ кто: свѣтъ пагубной, превратной, и скоропреходящій, не представитъ сими тремя прилагательными столь живо, какъ ежели бы онъ употребилъ одно изъ нихъ. Я окончу сей членъ симъ совѣтомъ, чтобъ не держаться, какъ говорятъ, любимаго выраженія; ибо оно отзывается принужденіемъ, и удручаетъ вниманіе. Выраженіе казистое по своей силѣ или блеску, не должно никогда входить два раза въ одну и ту же рѣчь; поелику частое онаго повтореніе означаетъ и желаніе блистать и безплодность въ изобрѣтеніи.

Можно рѣшительно отвѣтствовать на сей вопросъ: должно ли проповѣдь писать слово до слова, или лучше обдумавъ планъ и начальныя мысли, предоставить раскрытіе понятій той минутѣ, въ которую говорить будетъ должно? Проповѣдники могутъ

избирать

избирать изъ сихъ двухъ способовъ по своимъ дарованіямъ и обстоятельствамъ. Выраженія, вылетающія изъ воспаленнаго жаркимъ дѣйствованіемъ сердца, имѣютъ часто болѣе пріятности и силы, нежели выраженія приготовленныя въ безмолвіи кабинета. Но кто осмѣлится всегда полагаться на изобиліе и силу своихъ выраженій? Самой совершенной и опытной проповѣдникъ въ присутствіи почтеннаго собранія можетъ оробѣть; развлеченность, малая неловкость могутъ прервать теченіе его мыслей и оставить его въ величайшемъ замѣшательствѣ. И такъ отважиться на сіе не прежде можно, развѣ снискавъ къ тому опытность, и при томъ сія отважность идетъ только тѣмъ проповѣдникамъ, которые говорятъ обыкновенно слушателямъ не все пересуждающимъ. ---

3

Сравненіе проповѣдниковъ Французскихъ съ Аглинскими.

Французскіе проповѣдники совсѣмъ иначе думаютъ о краснорѣчіи проповѣдническомъ, нежели какъ Аглинскіе. Проповѣдь Французская обыкновенно бываетъ увѣщаніе живое, трогающее; проповѣдь Аглинская разсужденіе поучительное, но безъ жару. Ораторъ Французской говоритъ воображенію и сердцу; Аглинской душѣ и разуму. Аглинскіе Богословы отличили себя сочиненіями столько же твердыми, сколько и глубокомысленными; но истинное краснорѣчіе, сіе драгоцѣнное дарованіе убѣжденія было до сего времени ими пренебрегаемо, и ихъ проповѣдь, вмѣсто рѣчей страстныхъ и дышущихъ, рѣдко выходила изъ предѣловъ строгаго и сухаго умствованія; между тѣмъ, какъ

Боссюетъ

Боссюетъ, Массилїонъ, Бурдалу и Сорень краснорѣчїе духовныхъ рѣчей возвели на такую степень совершенства, съ которой желательно, чтобъ оно не сошло чрезъ долгое время. Изъ сей разности вкуса выходитъ, что Французская проповѣдь кажется Аглинскому слуху рѣчїю цвѣтною, и часто энтузїастическою, но безъ глубокомыслїя; равно какъ просвѣщенный Французъ, слушающїй проповѣдника Аглинскаго, говоритъ, что онъ Логикъ и Философъ, но не витїя. Существенная погрѣшность большей части проповѣдей Французскихъ происходитъ изъ того, что поелику тексты взимаются изъ дневнаго чтенїя, то и связь между текстомъ и предметомъ часто бываетъ натянута, и ссылки на Священное Писанїе бываютъ болѣе мнимыя, нежели научительныя. Сверхъ сего обыкновенїе, всегда раздѣлять проповѣдь на двѣ или на три части, не даетъ разширяться понятїямъ,

сочиненіе дѣлаетъ разсѣяннымъ и представляетъ почти всегда двѣ или три мысли обработанные съ великимъ искусствомъ, а не богатую разнообразность картинъ и чувствованій. На конецъ сіи проповѣди, съ лишкомъ длинныя, произносятся съ такою быстротою, которая не позволяетъ всѣмъ подробностямъ начертаться въ памяти, и съ такою надутливостію, которая часто подходитъ къ выговору театральному. Между тѣмъ не смотря на сіи ошибки не можно сказать, чтобъ они во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствовали понятію рѣчи народной, то есть, способной увѣрить, утѣшить и ободрить, и чтобъ чтеніе оныхъ не приносило нарочитой пользы. -- Витія, которой бы умѣлъ соединить съ живостью и страстнымъ языкомъ Француза, точность и глубокомысліе Агличанъ, показалъ бы, по моему мнѣнію, совершеннѣйшій образецъ краснорѣчія церковнаго, и заслужилъ бы похвальной

похвальной отзывъ отъ всѣхъ націй.

До возстановленія Карла II проповѣди Аглинскіе представляли смѣшную вывѣску пустой учености, школьной Богословіи, и хитрыхъ споровъ. Но они оканчиваемы были сильными увѣщаніями, потрясающими совѣсть слушателей, и наклоняющими ихъ къ спасительному обращенію. Вскорѣ наука проповѣдыванія приняла видъ гораздо исправнѣйшій и болѣе на нее похожій. Ее отдѣлили отъ педанства, составлявшаго ея основаніе, и вмѣстѣ отсѣкли также убѣжденія оканчивающія каждую рѣчь, между тѣмъ какъ секта извѣстныхъ (non-conformati) сохранила все то, что древній способъ имѣлъ лучшаго. Новѣйшіе наши проповѣдники господствующей вѣры болѣе и болѣе отъ онаго удалялись. Все то, что тѣ имѣли жаркаго и страстнаго какъ въ сочиненіи, такъ и въ произношеніи ихъ проповѣдей, казалось имъ глаголомъ изступленія и изувѣрства, и чтобъ

и чтобъ избѣжать сего сугубаго претыканія, они ограничились разсужденіемъ простымъ, но холоднымъ, которое безпрестанно учитъ, но никогда не убѣждаетъ. Многіе Аглинскіе проповѣдники возвели сей родъ проповѣдей на самой верхъ совершенства, но онъ самъ въ себѣ есть несовершенъ. Докторъ Клярксъ, на примѣръ, показываетъ въ рѣчахъ своихъ правой смыслъ, разсужденіе основательное, употребленіе мѣстъ Священнаго Писанія всегда справедливо, часто прекрасно; онъ учитъ, и даже убѣждаетъ: чегожъ въ немъ не достаетъ? силы обязать сердце и овладѣть имъ. Онъ показываетъ только то, что должно дѣлать, но не возбуждаетъ желанія. Онъ поступаетъ съ человѣкомъ какъ съ существомъ совершенно разумнымъ, не имѣющимъ страстей и воображенія. Проповѣди Архіепископа Тиллотсона свободнѣе и одушевленнѣе; и сему то Аглинскому проповѣднику

надобно

надобно приписать честь, что онъ болѣе всѣхъ приближился къ народной рѣчи; но онъ не заслуживаетъ имяни Оратора совершеннаго: ибо его сочиненїе слабо и нерадиво, слогъ не силенъ и часто не вкусенъ; между тѣмъ многїе изъ его проповѣдей имѣютъ столько удобства и ясности, столько твердаго сужденїя, столько ревности ко благочестїю, что надобно почитать ихъ лучшими Аглинскими образцами.

Въ Докторѣ Гарровѣ болѣе удивляются роскошному изобилїю въ изобрѣтенїи, и особливой силѣ его понятїй, нежели искуству представлять оныя, и дѣлать ихъ трогающими. Онъ имѣетъ даръ рѣдкой, ему одному собственной; но сей даръ часто грубой не былъ исправленъ ученїемъ науки ораторской. Аттербури по справедливости можно почесть образцомъ слога, и многїе изъ его проповѣдей написаны съ жаромъ, съ красотою, и съ точностїю, что весма рѣдко

можно

можно видѣть въ Англіи. Ежели бы Епископъ Бютлеръ, вмѣсто отвлеченныхъ философскихъ разсужденій, сочинялъ болѣе проповѣдей въ такомъ же родѣ, въ какомъ онъ издалъ о опасности обманывать самому себя, и о свойствѣ Валаама; мы бы упомянули о немъ, какъ о образцѣ совершенномъ изящныхъ проповѣдей, выше сего одобренныхъ.

Сорень занимаетъ первое мѣсто между проповѣдниками Французской Протестантской церкви. Онъ пишетъ съ жаромъ, съ силою. Онъ возбужденъ, воспламененъ. Но его первыя части суть сълишкомъ поучительны. Его заключенія хотя весма трогательны, весма часто представляютъ плачевныя картины смерти, и его высокій слогъ подходитъ во многихъ случаяхъ къ принужденности. Между Римскими Католиками три превосходнѣйшіе проповѣдники: Бурдалу, Массиліонъ и Боссюетъ. Критики еще и по сіе время не согласились, кому изъ нихъ отдать преимущество.

Они

Они приписывают Бурдалу умствованіе твердое и правильное; Массилїону, образъ трогательной и убѣдительной; Боссюету, высокое краснорѣчїе и великія движенія. „ То, что мнѣ нравится, и „ чему я удивляюсь въ Бурдалу „ говоритъ Аббатъ Мори въ прекрасномъ его сочиненіи о краснорѣчіи проповѣдниковъ. „ Есть „ изобиліе дара не оставляющаго „ воображать ничего выше его „ поученій; простота слога сильнаго „ и трогательнаго, естественнаго „ и благороднаго; глубокое „ знаніе благочестія; удивительное „ употребленіе мѣстъ „ какъ изъ Священнаго Писанія, „ такъ и изъ святыхъ Отцевъ: „ на конецъ я никогда не могу подумать „ о семъ великомъ человѣкѣ, „ не сказавъ самъ въ себѣ: вотъ „ до какой степени можетъ достигнуть „ даръ поддерживаемый трудомъ. „ При всемъ томъ слогъ его часто бываетъ многорѣчивъ. Онъ весма обремененъ приводомъ свидѣтел-

свидѣтельствъ и недостаточенъ въ воображенiи. Массилiонъ имѣетъ болѣе прiятности, болѣе чувствительности, и по моему мнѣнiю, всегда болѣе огня. Онъ видитъ насквозь составъ и слитокъ сердца человѣческаго. И съ сей то стороны онъ всегда направляетъ свои удары. Онъ не только убѣждаетъ, но трогаетъ и умиляетъ. Его картины суть живы и естественны; его слогъ то благороденъ и величественъ, то страстенъ и убѣдителенъ, и ни одинъ писатель послѣ его не поставилъ исправности языка на вышшую степень совершенства. „ Боссюетъ, говоритъ еще почтенный Авторъ мною „ упомянутый, своимъ красно- „ рѣчiемъ всегда поражаетъ, по- „ елику сей великой Витiя всегда „ писалъ въ самомъ огнѣ страсти, „ чтобъ не употребить красотъ „ постороннихъ, онъ поднимаетъ „ ихъ изъ самой глубины своихъ „ предмѣтовъ. Начиная съ его „ приступа, вы уже видите его

„ даръ

„ даръ въ движенiи, вы не встрѣ-
„ тите ни простыхъ формулъ,
„ ни толкованiя мыслей другаго,
„ ни медленности, ни безплодiя,
„ ни изобилiя. Онъ нейдетъ, но
„ бѣжитъ новою стезею, какую
„ воображенiе ему открываетъ;
„ онъ кидается къ своей цѣли и
„ васъ съ собою увлекаетъ. Мало
„ по малу слогъ его возгарается и
„ воспламеняется; его изступле-
„ нiе несетъ по всюду побѣду и
„ трепетъ; и тогда уже не можно
„ болѣе его читать не восклик-
„ нувъ: вотъ торжество красно-
„ рѣчiя! огонь дара Боссюетова
„ блистаетъ въ его проповѣдяхъ,
„ найденныхъ и изданныхъ предъ
„ симъ за нѣсколько лѣтъ. Безъ
„ сомнѣнiя ихъ будутъ щитать
„ прекраснѣйшимъ памятникомъ его
„ ученаго имяни. Писатель,
„ которой поставилъ бы въ томъ
„ единственный предмѣтъ своихъ
„ трудовъ, не сомнѣвался бы въ
„ своемъ безсмертiи; но Бос-
„ сюетъ столько великъ, что могъ

„ утерять

„ утерять безъ урону своей славы
„ всѣ сіи наилучшія творенія, и не
„ имѣлъ въ нихъ нужды, чтобъ
„ отворить входъ въ храмъ нашихъ
„ великихъ людей. Это значитъ
„ верхъ славы. „ На конецъ изображая сихъ трехъ великихъ современниковъ, надобно сказать, что Бурдалу говоритъ уму, Массильонъ сердцу, Боссюетъ уму и сердцу.

4

Части составляющія проповѣдь.

Проповѣдникъ знающій и соблюдающій правила науки, съ начала старается приуготовить духъ слушателей, привлечь ихъ вниманіе, и дать имъ выгодное мнѣніе какъ о предметѣ, такъ и о себѣ. Потомъ установляетъ порядокъ своихъ мыслей, и ставитъ ихъ въ видѣ блистательномъ. На конецъ

показываетъ

показываетъ истину и важность своего ученія, и разсыпаетъ всѣ встрѣчающіяся возраженія; послѣ приводитъ въ дѣйствіе всю силу своего дара, чтобъ возбудить, убѣдить и оставить въ душѣ впечатлѣніе сильное и продолжительное. Почему проповѣдь вообще состоитъ изъ приступа, раздѣленія, сказанія или изъясненія, изъ нѣкоторой цѣпи умствованій и возбужденій, и на конецъ изъ живыхъ и трогательнѣйшихъ увѣщаній, коими обыкновенно рѣчь и заключается. Таковое восхожденіе между тѣмъ не совсѣмъ необходимо. Есть превосходныя проповѣди, въ которыхъ оно не соблюдено, и гдѣ проповѣдникъ прямо входитъ въ матерію безъ всякаго приступа, или проливаетъ часть умствующую вмѣстѣ съ убѣждающею, и гдѣ не показываетъ никакого раздѣленія. Но поелику всякая правилная рѣчь состоитъ изъ сихъ пяти частей, и проповѣдь къ тому присовокупляетъ еще болѣе, то я и намѣренъ показать

нѣкоторыя

нѣкоторыя общія правила о способѣ оныя раздѣлять, чувствительно сожалѣя, что мой планъ не позволяетъ мнѣ раскрыть ихъ съ надлежащимъ тщаніемъ.

Приступъ не есть изобрѣтеніе риторики. Бывъ основанъ на природѣ, принадлежитъ ко всѣмъ родамъ рѣчей; и ежели онъ простъ, правиленъ, изряденъ и скроменъ, естественно предводитъ къ успѣху. Хочу ли я, на примѣръ, объяснить кому нибудь какой важной предмѣтъ, или дать кому полезной совѣтъ? Не входя прямо въ матерію, съ прозорливостію забрасываю нѣкоторые слова, уловляющіе его вниманіе, и приготовляющіе сердце къ тѣмъ чувствованіямъ, которыя хочу я въ него вдохнуть, вотъ употребленіе и планъ приступа; вотъ что разумѣютъ Цицеронъ и Квинтиліанъ говоря, что приступъ дѣлаетъ слушателя благосклоннымъ, внимательнымъ и послушнымъ. Часто случается, что

пропов-

проповѣдникъ находитъ своихъ слушателей въ желаемомъ расположенiи; въ то время довольно для него будетъ, ежели здѣлаетъ нѣкоторое предувѣдомленiе о величiи предмѣта, о которомъ онъ хочетъ говорить.

Сiя часть рѣчи требуетъ нарочитаго труда. Весма важно начать хорошо, чтобъ приобрѣсть благосклонность слушателя еще не занятаго предразсудкомъ и способнаго къ принятiю всѣхъ впечатлѣнiй; почему нужно, чтобъ приступъ былъ естественной, и казался бы, по словамъ Цицероновымъ, efflorui∬e penitus ex re, de qva tum agitur, цвѣтущимъ тою самою матерiею, о которой идетъ дѣло. Не начиная мѣстомъ топическимъ, приличествующимъ ко всякой матерiи, пусть онъ собственно мѣтитъ на тотъ предмѣтъ, о которомъ вы говорить хочете. А по сему не прежде оной сочинять должно, какъ уже обдумавъ и расположивъ всѣ ваши мысли. Безъ

сего

сего онъ или бы былъ съ лишкомъ близокъ къ предмѣту, или совершенно далекъ. Когда вы найдете мысль щастливую, старайтесь всѣми способами представить оную съ пріятностію. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что ваши слушатели, еще не бывъ заняты подробностями, обратятъ все свое вниманіе на слогъ и образъ; и ежели они съ начала будутъ имѣть поводъ къ критикѣ, то великаго вамъ будетъ стоить труда отвлечь ихъ отъ сего мнѣнія. И такъ старайтесь заслужить похвалу ихъ, но съ крайнею осторожностію и безъ принужденія. Ибо ежели обнажите ваше искуство, вдохнете въ нихъ недовѣрчивость, и они будутъ противиться всѣмъ вашимъ усиліямъ. Приступъ, говоритъ Квинтиліанъ, долженъ быть ясенъ, кратокъ, простъ, но красивъ.

Я прибавляю еще, что онъ долженъ быть скроменъ. Ибо ежели начнете голосомъ гордымъ и предзаимчивымъ, вы уязвите самолюбіе

вашихъ

вашихъ слушателей, и вооружите ихъ сами противъ себя. На противъ показываясь недовѣрчивыми къ своимъ дарованіямъ, вы вдохнете въ нихъ общее участіе какъ бы въ собственномъ ихъ дѣлѣ, и соедините всѣ голоса въ вашу пользу. Почему надобно, чтобъ скромность управляла не только вашими выраженіями, но и взглядами, тѣлодвиженіемъ, голосомъ, и на конецъ всѣмъ цѣлымъ. Сія робость, раждающаяся изъ умной недовѣрчивости къ своимъ силамъ, и изъ почтенія къ многочисленному собранію, никогда не теряла силы нравиться и возбуждать участіе. Но должно оную соразмѣрять съ чувствіями величества, справедливости и важности предмѣта, которой представить надобно. Никогда не обѣщайте сълишкомъ „ Non fumum ex fulgore, ſed ex fumo dare lucem. Берегите съ начала свои силы, и возвышайтесь постепенно, дабы по принужденію не спуститься прежде заключенія. Приступъ

не

не есть мѣсто жара. Слушатели должны быть ведены постепенно къ чувствованіямъ живымъ и пронгательнымъ. Бываютъ между тѣмъ случаи, гдѣ пылкой и величественной приступъ удивительное имѣетъ дѣйствіе. Епископъ Аттербури въ годовую память казни Карла 1 го, Короля Аглинскаго, началъ свою проповѣдь сими пышными словами. ,, Се день воз-
,, мущенія и крамолы, день зло-
,, дѣйства и соблазна, день от-
,, личенный въ нашей церкви и въ
,, лѣтописяхъ нашей націи стра-
,, даніемъ добраго Государя,
,, которой палъ въ жертву буйства
,, мятежныхъ своихъ подданныхъ,
,, и которой смертію своею на-
,, печатлѣлъ на ихъ лицахъ, и
,, на ихъ виновномъ потомствѣ
,, письмяна злодѣйства, безславія
,, и злополучія, и проч. ,, Приступы Демосѳеновы просты и кратки: Цицероновы же длинны и больше обработаны. Справедливо удивляются началу его рѣчи

противъ

противъ Рулла; ибо она съ нѣкоторымъ почти самовластіемъ заставляетъ опвергнуть законъ Агрерской. Массиліонъ, Боссюетъ, Флешіеръ начинаютъ часто рѣчи кусками, наполненными высокимъ, жаркимъ и чувствительнымъ. Но сіи примѣры не дѣлаютъ закона, и ораторъ не долженъ возвышать свой слогъ до такого тона, котораго не можетъ выдержать долгое время.

На конецъ, поелику приступъ есть нѣкоторой ключь рѣчи, долженъ соотвѣтствовать какъ по своей обширности, такъ и по своему роду тѣмъ предмѣтамъ, которые онъ отверзаетъ. По его обширности: ибо нѣтъ ничего глупѣе, какъ поставить великолѣпное крыльцо къ малинкому зданію: По его роду: поелику нѣтъ также ничего смѣшнѣе, какъ облѣпить разными фигурами крыльцо частнаго человѣка, или расписать входъ въ кладбище такъ какъ бы въ садъ. Каждая часть

должна

должна соотвѣтствовать представленiю цѣлаго.

Приступъ оканчивается изложенiемъ предмѣта, о чѣмъ я ничего не скажу, какъ только, что оно должно быть кратко, точно выражено и съ ясностiю безъ принужденiя. За симъ обыкновенно слѣдуетъ раздѣленiе, которое требуетъ особливыхъ нѣкоторыхъ примѣчанiй.

Фенелонъ, вѣрной судiя въ наукѣ краснорѣчiя, столько ему знакомой, сильно возстаетъ противу обыкновенiя означать главныя части проповѣди, изъ коихъ она состоять должна. Онъ говоритъ, что это изобрѣтенiе новое, неупотребительное у отцевъ церкви, что оно приняло рожденiе свое въ школахъ, что оно дѣлаетъ сочиненiе сухимъ и холоднымъ, что оно разрываетъ единство, и что довольно связать мысли непримѣтною связiю, дабы до конца удержать вниманiе слушателей.

Не смотря на почтенiе, какимъ

я обязанъ сему столь важному мужу, я весьма отдаленъ отъ того, чтобъ охуждать обыкновенiе разделенiя речей. Оно теперь столько общее, что не можно его отвергнуть безъ шуму. Сверхъ того оно имеетъ причину защищаться съ своей стороны. Не вредя шествiю витiйства разделенiе хорошо расположенное и связанное делаетъ речь яснее, учительнее и полезнее для народа, которой всегда надобно иметь въ виду. Оно много помогаетъ памяти, заставляетъ слушателя итти въ следъ за проповедникомъ; оно делаетъ остановки, где онъ можетъ разсуждать о слышанномъ, и о томъ, что будетъ следовать. Оно назначаетъ обширность речи, и следовательно пригвождаетъ его вниманiе до самаго конца. ,, Заключенiе каждой части, говоритъ ,, Квинтилiанъ, есть место отдохновенiя для слушателя такъ, ,, какъ камни, означающiе мили поставленные на пути, уменшаютъ

,, скуку

„ скуку путешественника. „ Всегда смотрять съ удовольствїемъ на труды, какъ они приближаются къ своему концу. Когда можешъ счесть, сколько еще до онаго остается, чрезъ то дѣлаешся терпѣливѣе и оканчиваешъ свой урокъ съ удовольствїемъ.

Раздѣленїе правильное и щастливое есть первый шагъ къ успѣху. Тотъ, кто избралъ хорошїй путь и разумнаго путеводителя, щастливо достигнетъ до назначенной имъ цѣли. Кто напротивъ пускается въ путь безъ всякаго плана, ежеминутно заблуждаетъ. -- Ясное и правильное раздѣленїе разсыпаетъ лучи на всю проповѣдь; ежели жъ напротивъ оно худо или ему не слѣдуютъ, затемняетъ всю рѣчь, дѣлаетъ ее разсѣянною, слабою, и хотя можно будетъ сказать гдѣ ея недостатокъ; но слушатель примѣтивъ, что есть тутъ безпорядокъ, бываетъ тронутъ очень слабо.

Проповѣдники Французскіе несравненно лучше и яснѣе поступают въ изложеніи раздѣленій, нежели Аглинскіе, коихъ раздѣленіе хотя чувствительное и правильное, часто бываетъ многорѣчиво и безъ искуства. Но первые очень церемонны, и весма рабски поступаютъ по плану древнихъ, раздробляя предмѣтъ на двѣ или на три части. Весма много удивляются Массиліонову раздѣленію сего слова: Совершишася. „ Смерть Іисуса „ Христа, говоритъ онъ, заклю- „ чаетъ въ себѣ три совершенія, „ которыя изъясняютъ все таин- „ ство креста; совершеніе правды „ со стороны его отца; совершеніе „ злобы со стороны человѣковъ; „ и совершеніе любви со стороны „ Іисуса Христа. „ Не менше похваляютъ раздѣленіе Бурдалу сихъ словъ: Миръ вамъ. „ Надобно „ вопервыхъ, говоритъ краснорѣчивый сей ораторъ, чтобъ вѣра „ обладала нами, ежели мы желаемъ быть въ спокойствіи. „

Во вторыхъ

„ Во вторыхъ должно, чтобъ законъ „ Божїй владычествовалъ въ нашемъ „ сердцѣ, ежели мы хотимъ, „ чтобъ оно наслаждалось твердымъ „ благополучїемъ.

И такъ хотите ли вы раздѣлить вашу проповѣдь самымъ лучшимъ и между тѣмъ полезнѣйшимъ образомъ; пусть каждая часть вами назначенная будетъ совершенно отличена, и пусть никогда не входитъ одна въ другую. Чтобъ успѣть въ семъ случаѣ, всегда слѣдуйте природѣ, начиная съ предмѣтовъ самыхъ простыхъ, соединяя умствованїя съ искуствомъ; оканчивая послѣдствїями разсудительными и трогательными. Обнимите въ вашемъ раздѣленїи всѣ ваши начальныя истины, а безъ сего оно не будетъ полное. Выражайте словами извѣстными безъ многословїя и изобилїя. Точность есть красота раздѣленїя. Ежели дадите вашему слушателю понятїе раздѣльное о томъ, что будете говорить, вы его предупредите

предупредите въ вашу пользу? Ежели объясните ему свой планъ не многими словами, вы удобно оный напечатлѣете въ его умѣ.

Третія часть проповѣди есть сказаніе или изъясненіе, я ихъ не раздѣляю, потому что обѣ они подвержены тѣмъ же законамъ и имѣютъ обѣ одну цѣль изъяснить предметъ прежде его разкрытія, и недѣлая еще ни малаго покушенія къ разтроганію слушателей. Сія часть существеннѣе принадлежитъ стряпчему. Цицеронъ представляетъ удивительный образецъ оныя въ описаніи смерти Клодіевой, гдѣ превосходнымъ образомъ доказываетъ, что служители Милоновы отняли у него жизнь, сохраняя только жизнь своего господина отъ такого неправеднаго нахала.

Проповѣди рѣдко имѣютъ нужду въ сказаніи: но изъясненіе предмѣта, замѣняющее мѣсто онаго, часто бываетъ нужно, и должно быть въ такомъ же тонѣ, ясно,

точно

точно, и въ слогѣ правильномъ и красивомъ, но безъ излишнихъ изображенiй и иносказанiй. Раскрыть ученiе замыкающееся въ текстѣ, дать полное понятiе о его свойствѣ и пользахъ, есть сокращенiе сея части рѣчи, и ея точность сильно втекаетъ въ успѣхи за нею слѣдующихъ частей.

Желаете ли вы представить предмѣтъ въ самомъ лучшемъ видѣ? Размышляйте объ ономъ довольно глубоко, чтобъ разсмотрѣть оной со всѣхъ сторонъ. Изслѣдуйте потомъ, какой лучь можетъ сообщить ему Священное Писанiе; какiя соотношенiя или несходства можетъ онъ имѣть съ другими предмѣтами; послѣ умножайте ясность, сравнивая его или противополагая онымъ; открывая его причины или изчисляя его дѣйствiя, предлагая примѣры, или ссылаясь на чувствованiя вашихъ слушателей. Сiя разборчивость здѣлаетъ картину разительную и подробную, гдѣ истина

догма

догматическая или нравственная, вами представляемая, показана будетъ въ видѣ ясномъ и искусно расположенномъ. Ежели присоедините въ сей части рѣчи точность къ глубокомыслїю, вы заслужите справедливую похвалу витіи, и что должно быть предъ вашими очами важнѣйшимъ, вы здѣлаете рѣчь свою твердою и учительною.

Четвертая часть проповѣди есть та, въ которой проповѣдникъ открываетъ умствованїя и побужденїя нужныя для потрясенїя души. Она есть наиважнѣйшая, гдѣ бы то ни было, и о какой бы матерїи ни говорилось; въ самомъ дѣлѣ цѣль всякаго говорящаго рѣчь есть увѣрить своихъ слушателей, что то, что онъ говоритъ, есть истинно, праведно или полезно, и войти чрезъ сїе въ ихъ мнѣнїе и нравы. Но чтобъ сїе исполнить, три вещи суть необходимо нужны: найти доказательства твердѣйшїя и убѣдительнѣйшїя; порядочно оныя расположить, и пред-

представить ихъ въ видѣ способномъ, дать чувствовать всю силу ихъ. Сей послѣднїй членъ входитъ въ то, что мы сказали о слогѣ, и туда, что будемъ говорить о дѣйствованїи оратора.

Изобрѣтенїе безъ сомнѣнїя есть главнѣйшїй изъ сихъ трехъ предмѣтовъ; но оно выше всѣхъ пособїй науки. Весма великое разстоянїе между дарованїемъ открыть причины способныя къ убѣжденїю, и искуствомъ расположить оныя довольно удачно. Первое есть порожденїе особливаго дара; второе раждаетъ риторика. Древнїе ораторы увѣряли между тѣмъ, что и то и другое зависѣло отъ ихъ усилїй. Ихъ ученїе о мѣстахъ общихъ, которое дѣлаетъ прекрасную фигуру въ сочиненїяхъ Аристотеля, Цицерона и Квинтилїана, научаетъ не только представлять доказательства во всей ихъ силѣ, но и доставляетъ оныя для всѣхъ возможныхъ предмѣтовъ. Оно даже

назначаетъ

назначаетъ степень, до которой можетъ достигнуть Ораторъ безъ всякаго дарованія. Сіи прекрасныя Системы произвели можетъ быть блистательныя и сильныя декламаціи, но ни одной полезной и убѣдительной рѣчи. То, что по справедливости полезно и убѣдительно, должно выходить Ex visceribus causae, изъ глубочайшаго свѣдѣнія предмѣта, и не достигаютъ до онаго, какъ только глубокимъ размышленіемъ. Предписывать другіе правила молодымъ ораторамъ, значитъ ихъ обманывать. Распространять предѣлы риторики далѣе того термина, которой поставилъ для нея разумъ, есть дѣлать изъ нее науку дѣтскую и пышную. Демосѳенъ не пользовался конечно сими, Loci communes, мѣстами общими, и сими, Sedes argumentorum, когда онъ убѣждалъ Аѳинейцовъ взять оружіе противъ Филиппа. Мало уважаемыя рѣчи Цицерона суть тѣ только, въ коихъ онъ слѣдовалъ

сему

сему глупому способу:

Расположеніе доказательствъ состоитъ въ томъ, чтобъ избрать только тѣ, кои будутъ казаться твердѣйшими, и раскрыть ихъ образомъ убѣдительнымъ. Для сего ораторъ долженъ поставить себя на мѣстѣ слушателя и разсмотрѣть, будетъ ли онъ самъ тронутъ ими въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ хочетъ предложить ихъ, чтобъ тронуть другихъ. Не долженъ никогда ласкаться обмануть слушателей блестящимъ слогомъ. Слушатели, по видимому мало просвѣщенные, рѣдко бываютъ недостаточны въ разборчивости. Ораторъ можетъ быть хвалимъ отъ всѣхъ за его прекрасную рѣчь, хотя впрочемъ онъ и никого не убѣдилъ. Успѣхи доказательствъ и побужденій болѣе всего зависятъ отъ взаимнаго ихъ расположенія. Надобно соединить ихъ и связать такъ, чтобъ они не смѣшиваясь одно съ другимъ, ни уничтожая одно другаго, всѣ направлены

былм

были къ одной общей точкѣ: Должно еще различить ихъ и открыть порознь, дабы они одно другому пособствовали, и взаимно себя усиливали, но не слишкомъ размножать. Особливо надобно беречь для послѣднихъ доказательствъ тѣ, кои имѣютъ болѣе силы, Vt avgeatur ſemper oratio et increſcat, чтобъ рѣчь безпрестанно умножалась и возрастала. Истина, должность, польза, вотъ раздробленіе всѣхъ умствованій, и порядокъ естественной, по коему они должны быть представлены. Хочетъ на примѣръ проповѣдникъ говорить о любви къ ближнему: первымъ доказательствомъ онъ положитъ удовольствіе, которое вкушаетъ сердце къ благотворителности разположенное: во вторыхъ обязанность слѣдовать примѣру нашего Спасителя; на конецъ изобразитъ щастливыя дѣйствія сей любви; его побужденія отборны, но худо связаны. Поелику первое и послѣднее

имѣютъ основанїемъ пользу , а второе должность. Онъ долженъ бы былъ поставить первое на мѣсто послѣдняго, дабы отдѣлить тѣ, кои разныя имѣютъ основанїя, и окончить тѣмъ , которое способнѣе къ разтроганїю сердца человѣческаго .

Пятая часть проповѣди есть страстная . (Monita) Здѣсь то краснорѣчїе должно соединить всѣ свои силы. Нѣкоторые сомнѣваются, прилично ли оратору возбуждать страсти въ своихъ слушателяхъ. Но трудность состоитъ только въ словѣ , и чтобъ отвѣтствовать на сїе, довольно общаго смысла . Ежели проповѣдникъ имѣетъ своею цѣлїю увѣрить только, то и говорить должно только уму . Но ежели надобно и убѣдить ; то должно человѣка разтрогать , потрясти, возбудить его негодованїе , любовь , сожалѣнїе; и я спрашиваю, не страсти ли это ?

Древнїе о сей части дѣлали изслѣдованїя столько же глубоки , столько

столько же смѣшны, сколько и о предъидущей. Они опредѣлили всѣ страсти, открыли ихъ причины, успѣхи, слѣдствія и принадлежности, и на семъ основали всѣ свои правила. Ихъ творенія о семъ, а особливо Аристотелевы, можно почесть превосходнымъ разсужденіемъ нравственной Философіи; но зделаютъ ли они оратора страстнѣйшимъ. Самая лучшая система страстей можетъ ли произвести сіе дѣйствіе? Одна только природа, одна только щастливая и силная чувствительность, одно только правое сердце, одинъ только энтузіазмъ добродѣтели могутъ исключительно имѣть сіе право. Можно знать основательно науку касательно страстей, и говорить объ нихъ безъ чувствованій, безъ жара. Правила предписываемыя для сего, такъ какъ и вся наука ораторская, никогда неимѣли цѣлію дополнить дара, но управлять тѣми, кои

оной

оной имѣютъ, научить ихъ употреблять оной съ пользою; предъупреждать ошибки и отдаленія, коимъ они могутъ себя подвергнуть. Почему я и намѣренъ предложить слѣдующіе мои совѣты, предоставляя на ваше разсужденіе дополнить недостатки.

Съ начала разсмотрите, приличествуетъ ли страстное къ вашему предмѣту, и въ какомъ оно мѣстѣ будетъ имѣть болѣе успѣха. Многіе предмѣты онаго не пріемлютъ; и когда вашъ предмѣтъ того требуетъ, и вы поставите его худо, то удалитесь отъ своей цѣли. Дабы движеніе вами произведенное имѣло дѣйствіе продолжителное, всегда старайтесь прежде овладѣть душею и разумомъ. Оправдайте предъ вашимъ слушателемъ ту страсть, которою вы его проницаете, чтобъ онъ былъ увѣренъ, что онъ не обманутъ ложною видимостію. Ежели напротивъ душа его симъ предшествующимъ убѣжденіемъ не

будетъ занята, тщетно сердце будетъ растворяться къ чувствованію; какъ скоро вы говорить окончите, впечатлѣніе изглаждается, и душа остается пуста. Сіе то побудило многихъ писателей опредѣлить, что страстное всегда должно оканчивать рѣчь, чтобъ напечатлѣть въ сердцѣ движеніе ею произведенное. Ибо оно тотчасъ загладилось бы, ежели бы ораторъ обратился къ умствованію хотя и полезному, но весма скучному, когда оно занимаетъ мѣсто чувствованій. Но въ какомъ бы мѣстѣ вы оное ни поставили, берегитесь.

Второе, дать примѣтить, что вы хочете быть страстными, и увѣщавать слушателей, чтобъ они споспѣшествовали вашему намѣренію. Ибо вы въ семъ ошибетесь, и вмѣсто того, чтобъ воспламенить слушателей, вы ихъ охладите, и дадите имъ поводъ къ недовѣрчивости, и расположите ихъ болѣе къ критикѣ; нежели

къ серде-

къ сердечному движенію. Начинайте убо всегда не прямо. Ловите благопріятную минуту къ умягченію. Не объявляя вашего намѣренія, представляйте изображенія столько разительныя, чтобъ они воспламенили страсти прежде, нежели бы объ оныхъ сомнѣвались. Часто въ семъ случаѣ успѣваютъ лучше однимъ короткимъ періодомъ, но полнымъ чувствованія, нежели длиннымъ и безпрестанно страстнымъ увѣщаніемъ.

Третіе, не забывайте и сего, что великая разность, доказать слушателямъ, что они должны быть возбуждены, и возбудить въ самомъ дѣлѣ. Природа ко всякому возбужденію присоединила нѣсколько предмѣтовъ соотвѣтственныхъ, и ежели ораторъ не умѣетъ ихъ искусно отобрать и представить въ порядкѣ естественномъ, никогда не возбудитъ въ душѣ движеній страстныхъ. Никакое существо столько не способно къ вдохновенію чувствованій благо-

благодарности, какъ общїй Отецъ человѣковъ; ни что удобнѣе не трогаетъ сердца, какъ нещастные. Ежели ораторъ теряя время доказываетъ мнѣ, что сїи чувствованїя справедливы, благородны, и достойны чувствительнаго сердца; ежели онъ противополагаетъ моему хладнокровїю, мое равнодушїе; тогда говоритъ только уму и совѣсти. Но ежели онъ изображаетъ мнѣ нѣжность моего небеснаго Отца, ежели представляетъ мнѣ картину страданїй мнѣ подобнаго моего собрата, и друга; тогда онъ говоритъ моему сердцу; онъ тутъ открываетъ всѣ чувствованїя благодарности, или сострадания. Желаете ли убо быть точно страстными? представляйте предмѣтъ страсти, вами возбуждаемой въ разителнѣйшемъ видѣ; означте и самые малые его свойства; одушевите его, такъ сказать, и здѣлайте какъ бы ощутительнымъ. Къ втеченїю чувствъ и памяти прибавте воображенїе.

Поражайте

Поражайте вашихъ слушателей живыми картинами даже до того, чтобъ они думали, что предмѣтъ находится въ самомъ дѣлѣ предъ ихъ глазами. Но тщетно будете вы употреблять всѣ сiи средства для возбужденiя ежели примѣтятъ.

Четвертое, что вы сами не возбуждены. Страсти имѣютъ непреоборимую силу, которая заставляетъ, ut ridentibus arrident, ſic flentibus adflent humani vultus. Сердечное движенiе самаго оратора придаетъ его словамъ, взглядамъ, дѣйствованiю и всему ему такой видъ, которой вдругъ сообщается и слушающимъ. Ежели онъ самъ не тронутъ, тщетно будетъ употреблять всѣ усилiя, чтобъ тронуть другихъ. Онъ не только не успѣетъ въ семъ, но и подвергнетъ себя смѣху. Также не исполнитъ онъ своего намѣренiя.

Пятое, ежели онъ не умѣетъ говорить языкомъ страсти. Чтобъ научиться, надобно примѣчать тѣхъ, коими обладаетъ какая

нибудь

нибудь сильная страсть. Ея языкъ всегда простъ, безъ принужденія. Она воодушевляетъ его изображеніями естественными и отважными; но не употребляетъ ни уборовъ, ни красотъ чужихъ. Обладаемымъ страстію не трудно возвысить свое воображеніе. Совершенно заняты будучи предмѣтомъ ихъ воспламеняющимъ, они ни о чемъ болѣе не думаютъ, какъ только чтобъ представить оной столько же, сколь сильно сами чувствуютъ. Таковъ долженъ быть образецъ оратора, когда онъ хочетъ быть страстнымъ. Чтобъ выражалъ просто, но съ жаромъ и страстію; чтобъ писалъ fervente calamo, кипящимъ перомъ. Ни мало не гоняясь за умствованіями, чтобъ говорило его сердце. Стараніе о украшеніяхъ и слогѣ здѣсь не вмѣстимо. Ибо украшая и разцвѣчивая слогъ, онъ его остудитъ, сочиненіе его здѣлаетъ слабымъ, и его языкъ будетъ языкъ такого человѣка, которой

только

только пишетъ, но самъ ничего не чувствуетъ. Картины льстящія воображенію не трогаютъ сердца: ибо они обработываемы могутъ быть съ холоднымъ духомъ и на досугѣ; а картины трогающія сердце пишетъ всегда бѣглая и горящая кисть. Искуство можетъ быть терпимо въ первыхъ; но послѣдніе теряютъ всю свою силу, ежели въ нихъ примѣчено будетъ что нибудь другое кромѣ природы.

Шестое, ни какой посторонній предмѣтъ не долженъ пресѣкать и охлаждать въ рѣчи страстнаго. Убѣгайте всѣхъ отступленій, кои могутъ остановить теченіе чувствованій вами возбуждаемыхъ въ душѣ вашихъ слушателей. Жертвуйте также красотами благороднѣйшими и блистателнѣйшими, ежели они могутъ отвлечь душу отъ главнаго ея предмѣта, и нравиться воображенію тогда, когда надобно потрясти сердце. Сравненія не только

не вмѣстны

не вмѣстны, но и смѣшны въ огнѣ страсти. Не меньше вредно и разсуждать въ то время, когда надобно чертить глубоко на сердцѣ.

На конецъ страстное никогда не должно быть продолжительно. Учитесь избирать время отдохновенія, или оканчивая вашу рѣчь, ежели вашъ планъ уже совершенъ, или переходя отъ тона страстнаго къ нижшему, но всегда чувствительному, ежели еще остается вамъ что сказать. Сходите, но не упадайте, соблюдите тотъ же видъ, но произнося съ большею умѣренностію. Всякое сильное движеніе не можетъ и не должно быть продолжительно; въ противномъ случаѣ оно восходитъ изъ природы и дѣлается изступленіемъ. Надобно тронуть сердце, но не раздирать его. Ежели вы усиливаетесь воспламенить его болѣе нежели разумъ, вы подвергаете себя опасности охолодить его совершенно.

Обыкновен-

Обыкновенно оканчиваются проповѣди страстною частію. Нѣкоторые полагають еще заключеніе. Оно необходимо тогда, когда умствованія составляли тѣло рѣчи; тогда оно обыкновенно состоитъ или изъ повторенія доказательствъ и побужденій, или изъ слѣдствій изъ оныхъ извлеченныхъ, но надобно чтобъ сіи слѣдствія были естественны и близки къ рѣчи, и сообразны законамъ единства. Ибо ежели они развлекаютъ вниманіе, предлагая новой какой нибудь предметъ, что нибудь возможное, любопытное, ослабляютъ впечатлѣніе всей рѣчи, и оставляютъ только не твердое и пустое намятованіе.

Великое искуство потребно, чтобъ умѣть схватить минуту заключенія не удививъ слушателей, войдя въ оное вдругъ не ожидая того, чтобъ уже наскучили. И такъ заключайте всегда къ стати и безъ натяжки:

заклю-

заключайте не слабымъ и грубымъ мнѣнiемъ, но съ жаромъ и благородствомъ, и такимъ образомъ, чтобъ ваши слушатели, сохранивъ весь жаръ вами имъ сообщенный, наивыгоднѣйше думали какъ о предметѣ, такъ и о самомъ ораторѣ.

Не можно довольно надивиться заключенiю Боссюэта, коимъ сей краснорѣчивѣйшiй изъ всѣхъ новѣйшихъ ораторовъ, оканчиваетъ надгробную великому Кондѣ рѣчь, и искуству, съ коимъ онъ обращаетъ вниманiе слушателей на свою старость: „ Прiими сiи послѣ„днiя усилiя гласа тебѣ зна„комаго; ты положишъ конецъ „всѣмъ симъ рѣчамъ. Вмѣсто „оплакиванiя другихъ, я хочу „о! Великiй Князь! научиться „отъ тебя сдѣлать смертъ мою „святою. Щастливъ я буду, „ежели имѣя предъ глазами „сiи бѣлые власы, всегдашнѣе „напоминовенiе объ отчотѣ, ко„торой я долженъ буду воздать

„ въ раз-

,, въ разсужденіи моего званія,
,, соблюду остатокъ гласа уже
,, упадающаго, и жара уже поту-
,, хающаго только для стада,
,, которое я обязанъ питать
,, словомъ жизни,,.

5

Наружный видъ оратора.

Тщетно соблюдаемы будутъ всѣ правила мною предписанныя, ежели наука о наружномъ видѣ будетъ неизвѣстна, безъ которой совершеннѣйшая рѣчь имѣла бы успѣхъ весма посредственной. Демосѳенъ, величайшій Витія спрашивающимъ его, что первое въ наукѣ ораторской? отвѣтствовалъ: наружное дѣйствованіе. Когда спрашивали его, что второе и третіе? Онъ тоже повторялъ. Нѣтъ ни малаго удивленія, что онъ особливо сіе

 уважалъ

уважалъ, и что дѣлалъ столько усилій для исправленія своего органа; дабы зделать его раздѣльнымъ и пріятнымъ, поелику сіе есть важнѣйшая часть науки ораторской. Напрасно противополагаютъ, что изщаніе перемѣнять голосъ и дѣйствованіе дѣлаетъ произношеніе театральнымъ, и заставляетъ упущать истинныя начала краснорѣчія, чтобъ употребить все вниманіе на ложной только блескъ. Цѣль всякаго оратора есть убѣжденіе; а наружное дѣйствованіе есть самое лучшее средство для онаго: оно столько же прилично и къ роду строгому, сколько и къ тому, которой назначенъ токмо для увеселенія. Когда мы начинаемъ съ кѣмъ нибудь говорить, въ намѣреніи сообщить ему наши мысли и наши чувствованія; то тонъ нашего голоса, наши взгляды, наше членодвиженіе много придаютъ силы къ выраженію нашихъ чувствованій; впечатлѣніе

впечатлѣнїе, кое они производятъ, бываетъ столько же сильно, какъ и произведенное нашими словами, выражающїй взглядъ, страстной крикъ, безъ всякаго органическаго звука, часто раждаютъ въ душѣ понятїя стремительнѣйшїя; они вдыхаютъ страсти живѣйшїя, чего не могла бы здѣлать самая краснорѣчивая рѣчь. Сей языкъ есть столько же силенъ, сколько и языкъ природы, и которой понимаютъ всѣ ея дѣти; между тѣмъ какъ слова, будучи произвольные знаки принятые въ употребленїе, суть мало способны къ произведенїю глубокихъ впечатлѣнїй; и не произведутъ никакого, ежели не придастся къ нимъ тонъ голоса имъ свойственный. Между чувствованїемъ и выраженїемъ находится такая связь, что не имѣющїй послѣдняго не можетъ увѣрить, что онъ чувствуетъ самъ, о чемъ говоритъ. Каллидїй обвиняя человѣка, которой будьто бы

хотѣлъ отравить его ядомъ; говоритъ безъ живости, безъ жару. Цицеронъ, защищающїй обвиняемаго, извлекаетъ изъ хладнокровїя своего противника разительное доказательство, что обвиненїе его ложно. ,, Изъяснялся ли бы ,, ты Каллидїй такъ равнодушно, ,, ежели бы не притворялся? ,, Герцогиня Iорская опровергаетъ искренность своего супруга сими словами: ,, сожалѣетъ ли онъ ,, о своемъ поступкѣ? Смотрите ,, на его лице; его глаза не ,, исполнены слезъ; его прозбы ,, ничто другое есть какъ игра. ,, Его слова выходятъ изъ устъ ,, его, между тѣмъ какъ наши ,, исходятъ изъ самой глубины ,, сердца; онъ проситъ съ равно-,, душїемъ тогда, когда мы ,, просимъ какъ должно душѣ ,, чувствительно встревоженной.,, Наружное дѣйствованїе, которое древнїе столько хорошо знали; и коимъ умѣли пользоваться, требуетъ отъ оратора двухъ суще-

существенныхъ свойствъ: первое, чтобъ говорилъ раздѣльно; второе, чтобъ объяснялся съ прїятностїю, съ силою. Чтобъ успѣть въ первомъ предмѣтѣ, берите всегда тонъ обыкновеннаго разговора, которой бы вы могли здержать до конца. Голосъ низкой вообще не можетъ быть слышимъ. Голосъ очень высокой деретъ уши, утомляетъ вниманїе и не позволяетъ перемѣнять тона. Ежели вы говорите раздѣльно, васъ лучше будутъ слушать, хотя бы и слабымъ голосомъ, нежели того, кто силится умножить оной. Почему произносите каждое слово, особливо многосложныя, не опущая ни единаго и не теряя связи. Чтобъ размѣръ вашъ былъ ни съ лишкомъ скоръ ни медлѣнъ. Ибо ежели вы говорите очень скоро, смѣшиваете всѣ изгибы голоса, и не можно будетъ за вами слѣдовать. Напротивъ, ежели очень медлѣнно, вашъ тонъ здѣлается единообразнымъ и обширнымъ.

Избѣга

Избѣгая сихъ двухъ крайностей вы сбережете ваши силы, и не трудно вамъ будетъ произносить раздѣльно, перемѣнять тонъ, возвышать или унижать голосъ по своей волѣ, и приспособлять наружной видъ и членодвиженія къ разнымъ движеніямъ вашей рѣчи. promtum sit os, говоритъ великкій учитель науки ораторской, non praeceps, moderatum non lentum. Придайте къ каждому слову удареніе просодическое, положенное лучшими грамматиками. Исправте все простонародное или провинціальное. Произношеніе правильное даетъ разговору точность и пріятность. Оно нравится и всегда предшествуетъ въ пользу оратора. Безъ него самый лучшій органъ служить будетъ только къ показанію нерадѣнія оратора, или худаго его воспитанія. Поелику каждая провинція имѣетъ собственное свое нарѣчіе, то и надобно,

чтобъ

чтобъ имѣющіе говорить въ публикѣ исправили заблаговременно ошибки съ младенчества ими затверженныя. Когда вы говорите внятно и раздѣльно, прибавте къ сему еще силу и пріятность. Назначте каждому періоду особливой тонъ, которой даетъ душу рѣчи. Ежели вы не присоедините къ мыслямъ вашимъ выражающаго наружнаго дѣйствованія; то они не будутъ имѣть ни силы, ни пріятности. По соразмѣряя оное съ чувствованіями васъ одушевляющими, вы дадите превосходное доказательство вашихъ сужденій и вашего вкуса. Вы покажете, что вы сами чувствуете съ пріятностію, что вы знаете хорошо то, что идетъ къ сердцу. Всякая часть требуетъ напряженія голоса, приличествующаго мыслямъ и слогу. Приступъ никогда не долженъ быть говоримъ такъ, какъ страстной. Сильныя страсти требуютъ выраженія совсѣмъ отличнаго, нежели чувствованія. Желаете ли потрясти

совѣсть

совѣсть увѣщанїемъ исполненнымъ жара? то чтобъ наружное дѣйствованїе ваше было твердо, сильно, благородно и величественно. Желаете ли вы тронуть, извлечь слезы? чтобъ ваше наружное дѣйствованїе было кротко, и исполнено трогательности. Вообще, чтобъ ваша рѣчь походила на разговоръ важной, производимой между людми просвѣщенными и чувствительными, о матерїяхъ важныхъ и полезныхъ, и гдѣ дѣлается сїе свободно и безъ принужденїя. Наблюдайте тотъ же самой тонъ, которымъ вы говорите всегда, стараясь только возвысить его, чтобъ могъ быть довольно слышимъ. Убѣгайте всякаго притворства какъ въ дѣйствованїи, такъ и въ голосѣ; всякаго выраженїя падающаго и симметрическаго; всего того, что походитъ на театральное; всего того, что показываетъ натяжку. Особливо удаляйтесь единогласїя обременяющаго и усыпляющаго слушателей.

Языкъ

Языкъ вашъ, чтобъ былъ языкъ чувствованій; онъ будетъ исполненъ пріятности и разнообразія, и васъ слушать будутъ съ удовольствіемъ; вы тронете, убѣдите; и ежели рѣчь ваша будетъ столько же хороша, какъ наружное дѣйствованіе, вы вознаграждены будете дѣйствіемъ, которое вы произведете въ вашихъ слушателяхъ; но ежели вы недостаточны въ чемъ нибудь главномъ, или въ органѣ или въ дѣйствованіи, какъ можно старайтесь недостатокъ вашъ исправить, не отваживаясь прежде казаться въ публикѣ. Ибо когда будете на каѳедрѣ, вы не будете имѣть времени взять всѣ предосторожности въ разсужденіи вашего положенія такъ, какъ вовремя вашего ученія. Будучи заняты совершенно предмѣтомъ и чувствованіями, которыя онъ въ васъ вдыхаетъ, это будетъ для васъ болѣе минута раскрыть вашъ даръ, нежели испытать ваши силы.

6

Средства для образованія къ краснорѣчію проповѣдническому.

Не нужны ни великія расположенія, ни обширныя знанія, чтобъ сочинить красивую рѣчь о предмѣтѣ общемъ, плѣняющую слухъ мѣстами общими пріятно представленными. Но истинное краснорѣчіе столько же рѣдко, сколько и высоко. Оно приводитъ въ дѣятельность всѣ способности души. Оно есть искуство не только плѣнять воображеніе, но и говорить уму и сердцу; трогать цѣлое собраніе слушателей, повелѣвать ихъ голосами, увѣрить ихъ, и произвесть въ нихъ впечатлѣніе глубокое и продолжительное. Сколько убо потребно дарованій какъ природныхъ, такъ и приобрѣтенныхъ, чтобъ возвесть оное на высочайшій степень совершенства

совершенства ? Бѣглое воображенїе, отличная чувствительность, твердое разсужденїе , тонкой вкусъ , и все сїе усовершенствованное довольнымъ упражненїемъ въ сочиненїи и въ красотѣ слога , и оживленное прїятностїю образа , естественнымъ и разнообразнымъ дѣйствованїемъ , чистымъ и протательнымъ органомъ ; таковы суть истинныя свойства краснорѣчїя . Можно ли убо удивляться, что совершенный ораторъ былъ бы явленїе столько же рѣдкое, сколько и удивительное .

Отчаяваться между тѣмъ не надобно . Неизмѣримое пространство раздѣляетъ посредственность съ совершенствомъ , и сїе пространство имѣетъ въ себѣ многїе почтенные мѣста . Чемъ труднѣе достигнуть первой степени, тѣмъ похвалнѣе приближенїе къ оной . Ораторы достигнувшїе оной суть можетъ не столько многочисленны, какъ стихотворцы, коихъ имя безсмертно. Но краснорѣчїе имѣетъ сїи

пре-

преимущества надъ стихотворствомъ, что несовершенной стихотворецъ не можетъ быть терпимъ: Mediocribus esse poetis non homines, non di non concessere columnae. Между тѣмъ какъ ораторъ можетъ съ похвалою занимать мѣсто посредственное. Краснорѣчїе является подъ безчисленными видами. Оно бываетъ просто и безъ украшенїя, какъ высокое и страстное; и кто не можетъ успѣть во второмъ, можетъ блистать, и здѣлать себя полезнымъ въ первомъ.

Нѣтъ ни какой нужды: природа ли, или наука образуетъ оратора? Во всемъ, что касается до разума и воображенїя, природа дѣлаетъ первой шагъ. Она даетъ первоначальныя расположенїя. Она засѣваетъ всѣ дарованїя: но потребно обработать ихъ, чтобъ привесть въ зрѣлость. Почему много зависитъ отъ природы, но много также она оставляетъ и наукѣ. Справедливо, что хорошїе образцы болѣе служатъ оратору, нежели стихотворцу, хотя большую

часть

часть извлекаетъ последнiй изъ критики, онъ можетъ однако безъ ученiя, безъ науки, единою только силою своихъ дарованiй пройти несравненно далее, нежели ораторъ, которой никогда не думывалъ о правилахъ сочиненiя и слога. Гомеръ образовался самъ собою. Демосѳенъ и Цицеронъ образовали себя долговременнымъ трудомъ и пособiями другихъ.

Первая и необходимая потребность, дабы отличиться въ науке ораторской, есть иметь все свойства честнаго человека, гражданина. Между древними ораторами сiе было непременнымъ правиломъ: non posse oratorem esse, nisi virum bonum. Весма прiятно смотреть на толь крепкой союзъ высочайшей изъ свободныхъ наукъ, съ высочайшею добродетелiю. Въ самомъ деле ни какой языкъ не привлекаетъ къ себе более вниманiя, какъ языкъ чувствованiя: Ораторъ, коему оной сроденъ, весма удобно находитъ путь

къ

къ сердцу. Его благородная и великая душа, придаетъ къ дарованіямъ его ума, и къ пріятности его выговора огонь вдругъ объемлющій и воспламеняющій сердце. Вотъ что даетъ краснорѣчію сію непреоборимую силу, сіе могущество умягчить, убѣдить, восхитить многочисленное собраніе слушателей. Наука и подражаніе произведутъ ли когда нибудь сіе удивительное дѣйствіе? Возбужденіе чувствованій поставитъ ли когда нибудь чувствованіе само собою? Цицеронъ, Демосѳенъ, Фенелонъ, Д'Агессо, всѣ знаменитые ораторы не менше славятся по ихъ какъ общественнымъ, такъ и частнымъ добродѣтелямъ, какъ и по силѣ ихъ краснорѣчія, симъ по добродѣтелямъ они обязаны величайшими своими успѣхами, и рѣчи, въ коихъ они представляютъ трогательныя картины любви ихъ къ отечеству, заслужатъ удивленіе отъ всѣхъ вѣковъ. Желаете ли

убо и вы итти по слѣдамъ ихъ? отличите себя во первыхъ непреодолимою любовїю къ истинѣ, и порядку, и къ добрымъ нравамъ. Горячею ревностїю къ благу общественному, и ко всѣмъ предпрїятїямъ назидающимъ оное; душою крѣпкою и бодрою, расположенною удивляться предмѣтамъ высокимъ природы, и почитать все то, что имѣетъ свойство знаменитости. Къ симъ ироическимъ добродѣтелямъ присоедините благочестїе кроткое и разумное, но горячее и непреоборимое, матерь всѣхъ высочайшихъ добродѣтелей; нѣжную чувствительность къ нещастїямъ подобныхъ вамъ, сердце удобное къ движенїю. Будучи щастливы мудрымъ поведенїемъ, старайтесь дѣлить щастїе свое съ своими братїями. Употребляйте къ убѣжденїю непреодолимыя доказательства собственнымъ вашимъ примѣромъ, дабы извлекая изъ собственнаго своего

сердца

сердца побужденія вами представляемыя, вы могли сказать: поверьте себя мнѣ, я свидѣтельствуюсь разумомъ, опытностію и волею Божіею.

Всѣ сіи добродѣтели потеряютъ нѣкоторую часть своего сіянія безъ скромности, которая дѣлаетъ имъ великое украшеніе, сопровождая даръ, котораго явленіе столько важно. Между тѣмъ пусть скромность сія не доходитъ до боязливости; внутренно увѣрьте себя, что вы что ни говорите, есть истинно и полезно, и что вашъ предмѣтъ есть благо общественное болѣе, нежели ваша частная польза.

Съ добродѣтельнымъ и чувствительнымъ сердцемъ соедините во вторыхъ богатый источникъ познаніи, ученія философіи, и свободныхъ наукъ, не забывайте никогда, что scribendi recte, Sapere est principium et fons. Тщетно выучите вы всѣ правила краснорѣчія, ежели не обдумаете совершенно того, чему себя посвящаете, и не

и не присоедините къ сему всѣхъ потребныхъ свѣдѣнiй. Ученiе Риторики безъ сомнѣнiя поможетъ вамъ привесть въ дѣло матерiалы, находящiеся подъ руками вашими, но ни когда ихъ не доставитъ; и вы собрать ихъ не иначе можете, какъ только долговременнымъ и неусыпнымъ трудомъ. И такъ ежели вы посвящаете себя къ проповѣди слова Божiя, надобно вамъ особливо прилѣжать къ ученiю Богословiи, нравственности, и сердца человѣческаго. Но не останавливаясь на сихъ начальныхъ наукахъ, усиливайте оныя впеченiемъ Поэзiи, Исторiи, Философiи. Поэзiя украситъ вашъ слогъ картинами разительными и прiятными. Исторiя, сiя живая картина свойствъ и произшествiй человѣческихъ, придаетъ важность вашимъ подробностямъ. Философiя присоединитъ твердое къ прiятному, глубокое къ прелестному.

Но хотя

Но хотя бы вы имѣли разумъ совершеннѣйшїй, самой тонкой вкусъ, вы не будете краснорѣчивы, ежели страстно не любите своего званїя. Заслуживающїй имя оратора всегда познается по сильной привязанности къ сей наукѣ, и сїя сильная страсть исполняетъ его душу предметомъ его занимающимъ, располагаетъ ко всѣмъ трудамъ нужнымъ, дабы въ семъ отличить себя. Сїе то образовало великихъ витїй древности. Сїе то воспламеняетъ и слѣдующихъ по стопамъ ихъ. Тотъ, кто не имѣлъ сей сильной наклонности въ юности, никогда не выступитъ изъ тѣснаго круга посредственности.

Чтенїе превосходныхъ Авторовъ въ третьихъ, весма полезно вступающимъ въ почтенную должность проповѣдника. Всякой ораторъ, правда, долженъ быть подлинникомъ; но какое дарованїе есть толико изобилующее, чтобъ не могло ничему научиться,

читая хорошія образцы? Они открываютъ новую вѣтвь понятій, увеличиваютъ и оправдываютъ тѣ, кои уже имѣемъ; ускоряютъ теченіе мыслей, воспламеняютъ ревность къ подражанію, и удерживаютъ удаленіе. Но пользоваться ими надобно осторожно. Особливо надобно убѣгать привычки выписывать. Ибо ежели вы здѣлаете одинъ разъ, ни когда не найдете такого источника, которой бы собственно принадлежалъ вамъ. Несравненно лучше показаться въ публикѣ съ плодомъ трудовъ своихъ, хотя бы оной былъ весьма далекъ отъ совершенства, нежели съ чужою красотою, которая показываетъ только безплодность вашихъ дарованій. Избравши предмѣтъ, ни когда прежде не совѣтуйтесь съ Авторами, которые прежде васъ объономъ говорили. Ибо ежели вы будете читать изъ нихъ многихъ, вы здѣлаете много смѣси въ вашихъ мысляхъ, и замѣшаете вашъ

выборъ

выборъ; ежели же только одного, нечувствительно пріимете его образъ, каковъ бы онъ ни былъ, худъ или хорошъ. Поступайте убо въ семъ случаѣ лучше: размышляйте съ начала о вашемъ предметѣ со всѣмъ прилѣжаніемъ возможнымъ, почерпайте матеріалы въ васъ самихъ; соберите и расположите всѣ ваши понятія; здѣлайте планъ справедливой и точной; напишите оной съ нѣкоторымъ размышленіемъ о образѣ, и о слогѣ способнѣйшемъ произвесть оной съ пользою; тогда, но не прежде, способъ и начальныя мысли признавая собственными, вы можете приводить ихъ въ совершенство, сравнивая съ лучшими твореніями. Вы можете также безъ опасности и безъ поношенія занять въ вашу рѣчь нѣкоторыя изъ нихъ понятія, всегда сохраняя вашъ слогъ и образъ. Сей трудъ есть не только позволителенъ, но и похваленъ. Но все то, что далѣе,

называется

называется выписаннымъ.

Я не буду здѣсь изчислять ораторовъ, коими можно въ такихъ случаяхъ пользоваться съ успѣхомъ. Я уже показалъ изъ нихъ знатнѣйшихъ. Довольно для меня будетъ замѣтить для предосторожности тѣмъ, кои вносятъ въ свои рѣчи цѣлые перiоды любимыхъ ими Авторовъ, что великая разность есть между языкомъ говорить, и языкомъ писать. Сей послѣднiй требуетъ столько же правильности, сколько и точности. Онъ не принимаетъ ни повторенiй, ни изобилiя. Онъ требуетъ совершенной точности. Первый требуетъ слога изобильнѣйшаго. Онъ мало соблюдаетъ правила, и часто прiемлетъ повторенiя. Онъ требуетъ также, чтобъ для ясности и точности важныя мысли были представляемы подъ различными видами; поелику слушатель, принужденный слѣдовать за проповѣдникомъ, не можетъ возвращаться

на задъ

на задъ, и перечитывать то, что худо понялъ. Столь видимая разность доказываетъ, сколько опасно рабски подражать проповѣдямъ напечатаннымъ.

Къ благоразумному ученїю хорошихъ образцовъ присоедините въ четвертыхъ привычку сочинять и говорить въ публикѣ. Упражняйтесь часто въ томъ родѣ краснорѣчїя, коему вы себя посвятили, не нерадя и о другихъ. Вычищайте какъ можно всѣ ваши понятїя и слогъ, и тонкость сїю вносите даже и въ самые разговоры, и ни когда не употребляйте наединѣ тѣхъ выраженїй и тона, которые могутъ быть охуждаемы въ публикѣ. Я не говорю, чтобъ вы должны были искать науки и въ самыхъ бездѣлицахъ. Ибо сїе менше извинительно, нежели и самое нерадѣнїе. Но одно и тоже выраженїе можетъ быть сказано съ прїятною простотою, и также словами не собственными и грубыми.

Образъ

Образъ природы въ такомъ случаѣ бываетъ всегда самой лучшій; но нуженъ довольно упражняемой вкусъ, чтобъ оной познать, и много труда, чтобъ снискать къ сему привычку.

Молодые люди, обучающіеся въ училищахъ, которые опредѣляютъ себя къ проповѣди слова Божія, не могутъ лучше себя образовать къ сей наукѣ, какъ составя общество, котораго бы связію было дружество, искренность и согласіе. Безъ принужденія, безъ самолюбія, чтобъ упражнялись въ обработываніи важныхъ матерій; чтобъ всякой, избравъ предмѣтъ силамъ его соотвѣтственный, разкрылъ оной со всѣмъ надлежащимъ тщаніемъ. Чтобъ прочія потомъ члены общества чистосердечно объяснили ему то, что они примѣтили въ рѣчи его противнаго правиламъ краснорѣчія и вкуса; чтобъ взаимно открывали другъ другу ихъ недостатки въ изобрѣтеніи, въ слогѣ,

въ произношеніи

въ произношенiи; чтобъ они взаимно были и учителями и учениками, и чтобъ болѣе любили умную критику и совѣты, нежели пустые похвалы, столько же постыдны разсыпающимъ оныя безъ причины, сколько вредны принимающимъ оныя за истинныя. Такимъ образомъ они нечувствительно прiимутъ образъ чистой и убѣдительной, снищутъ навыкъ сочинять, и исправлять свой слогъ; они сами себѣ откроютъ тотъ родъ, въ которомъ болѣе могутъ получить успѣховъ; управятъ все свое ученiе къ одному общему центру; они научатся умной критикѣ; прiобрѣтутъ вкусъ, сiе тонкое осязанiе, отличающее ошибки и удаленiя; они прiобыкнутъ говорить въ публикѣ, и предъ строгими судiями, и научатся дѣйствованiю ораторскому; они здѣлаютъ планъ на всѣ трудности, коими окружена должность, въ которую они вступить намѣрены, и приготовятъ

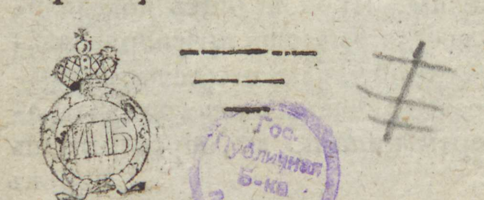
себя

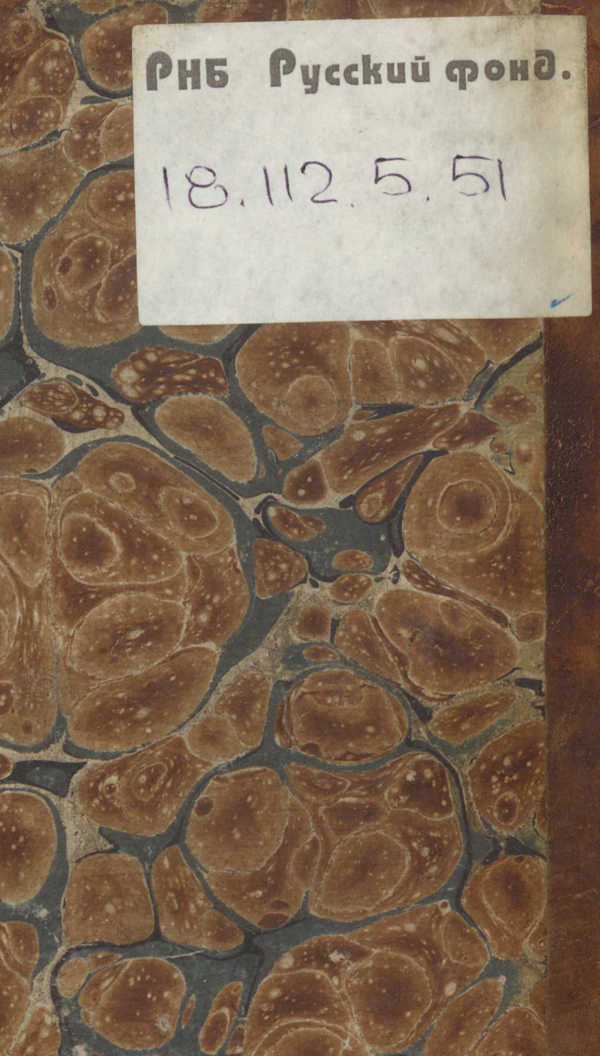
себя исполнять оную съ отличіемъ.

На конецъ не забудьте никогда, что единственная цѣль вашихъ рѣчей должна быть, чтобъ вдохнуть добродѣтельныя расположенія въ вашихъ слушателей; объяснить имъ истинную ихъ пользу, и склонить къ любви Бога и къ нравамъ сообразнымъ святому его закону. Чтобъ мысль сія всегда занимала вашу душу во всякое то время, когда вы сочиняете или говорите въ публикѣ. Тогда вы украсите истину въ томъ намѣреніи, чтобъ удобнѣе вдохнуть оную въ душу вашихъ слушателей. Ваши украшенія будутъ просты и естественны; слогъ сильной и одушевленной; умствованія увѣрительны, увѣщанія убѣдительны, труды пріятны и полезны. Проповѣдникъ полезнѣйшій всегда бываетъ краснорѣчивѣйшій. Лучшій успѣхъ его есть потрясти совѣсть, остановить ходъ разврата, перемѣнить нравы, опровергнуть

порокъ

порокъ и возставить въ сердцахъ власть добродѣтели. Сей то славной Тріумфъ каждой день ставимъ былъ краснорѣчивому Епископу Клермонтскому. Выслушавъ его рѣчь никогда не занимались похвалою ея, но размышленіемъ о самомъ себѣ, о прошедшемъ своемъ поведеніи, о принятіи впредь спасительной рѣшительности. Когда говорилъ онъ первую проповѣдь въ Версаліи; то Людовикъ XIV послалъ къ нему сіи достопамятныя слова: „ Мой Отецъ! я слышалъ многихъ великихъ ораторовъ въ „ церкви моей, и я ими былъ „ доволенъ. Но что касается „ до васъ, выслушавъ вашу рѣчь „ я былъ весма недоволенъ самимъ „ собою. „ Слово высокое изображающее вмѣстѣ и вкусъ Монарха и даръ проповѣдника.

РНБ Русский фонд.
18.112.5.51